

Глава 9

Варлаам (Василий Успенский), 1854–1862

После кончины Амвросия 2-го на его место был определен уже знакомый с Пензенской епархией епископ Чигиринский Варлаам, за десять лет до того ревизовавший Пензенскую консисторию.

Уроженец Рязанской губернии (села Ухлово Ряжского уезда), Василий Иванович Успенский (1801–1876), как звали в миру Преосвященного Варлаама, успешно закончил Рязанскую духовную семинарию, а в 1828 году, со степенью магистра, – Московскую духовную академию, в которой за год до окончания был пострижен в монахи. Получив назначение в Вифанскую духовную семинарию Московской епархии преподавателем церковной истории и греческого языка, он вскоре стал ее инспектором, зарекомендовав себя как исполнительный и добросовестный служащий. Эти качества предопределили его перевод в 1832 году в Тульскую духовную семинарию на ту же должность инспектора, которая, однако, явилась всего лишь недолгой промежуточной ступенью к его назначению в следующем году ректором Тульской семинарии и настоятелем Белевского монастыря. Правда, и преподаватели и ученики встретили чужака весьма недружелюбно, так что через год пришлось перевести молодого ректора в Воронеж. Может быть, здесь сказалась редкая пронизательность Варлаама, которая проявилась в нем еще в бытность инспектором Вифанской семинарии: он умел, как говорится, видеть человека насквозь, подмечая то, что составляло суть его природы и, следовательно, мог быть крайне нелюбезен, указывая на недостатки своих учеников и коллег по работе. Зато история Воронежской духовной семинарии сохранила облик своего ректора в весьма выразительных красках, свидетельствующих о его незаурядности: “Это был хороший и усердный наставник, заботившийся о развитии и самостоятельности мысли учеников; и при том деятельный и заботливый начальник, в высшей степени не стяжательный,

строгой аскетической жизни, с очень добрым сердцем, хотя по внешности казавшийся всегда серьезным и даже суровым, – улыбка редко появлялась на его лице. Воспитанникам его класса вздумалось в день его именин поднести ему шелковой материи на рясу и чрез выбранную депутацию поздравить его с днем ангела с произнесением речей. Приветствие он принял весьма любезно, отечески, был, видимо, очень доволен и тут только показался в веселом, радостном настроении, но от поднесения наотрез отказался, несмотря на усиленные просьбы. Принуждены были отдать подарок в церковь. Стол о. Варлаама был чисто монашеский: к обеду обыкновенно приносилось ему: небольшой горшочек горячего, пшеничная каша и, по временам, свежая щука. Сердечное отношение к ученикам этим, по-видимому, строгим монахом обнаруживалось в его участии к больным, которых он часто навещал в больнице. Человек строгих, монашеских правил, о. Варлаам не заводил знакомств с светскими людьми, а весь отдавался исполнению своих обязанностей”⁵⁴.

Ректором Воронежской духовной семинарии и настоятелем Алексеевского монастыря архимандрит Варлаам пробыл менее четырех лет и в мае 1837 года был переведен на должность ректора Курской духовной семинарии и настоятеля Троицкого монастыря. Причиной перевода явилось обращение семинарского правления, через голову правящего воронежского архипастыря Антония, в Киевское академическое правление за поддержкой на случай необъективной ревизии семинарии, которую должна была проводить комиссия, возглавляемая настоятелем Толшевского монастыря архимандритом Феофилом – недоброжелателем ректора семинарии Варлаама.

1 января 1842 года архимандрит Варлаам был вызван на чреду священнослужения в Петербург, где ему в числе разных поручений пришлось принять участие в работе чрезвычайного комитета по расследованию распространения литографированных лекций профессора С.-Петербургской духовной академии протоиерея Г. П. Павского (1787–1863), представлявших из себя прокомментированные им переводы с еврейского на русский язык книг Ветхого Завета.

Как известно, переводом Священного Писания на русский язык (до того пользовались церковнославянским текстом Библии) в России при Александре I занималось Библейское общество, членами которого были и сам император, и многие аристократы, и церковные иерархи. Состоял членом Библейского общества и Г. П. Павский. В 1826 году при Николае I оно было закрыто, а отпечатанный тираж Пятикнижия Моисеева уничтожен. Тем самым был подведен итог борьбы сторонников и противни-

Архиепископ Варлаам (Успенский)

ков перевода Библии на русский язык. Победила точка зрения, считавшая, что от такого перевода будет больше вреда, чем пользы: во-первых, простолюдины не сумеют без должного толкования понять смысла Священного Писания, что несомненно приведет к различным ересям и расколам, а во-вторых, народ не сможет с нужной почтительностью относиться к Богодухновенной Книге и своим небрежным обращением с ней только унизит ее. Кроме того, по своим художественным достоинствам русский текст будет значительно проигрывать церковнославянскому. В этой связи небезынтересно мнение выдающегося государственного деятеля М. М. Сперанского, бывшего пензенским губернатором в 1816–1819 годах: “Никогда русский простонародный язык не сравнится с церковнославянским ни точностью, ни выразительностью форм, совершенно греческих”⁵⁵.

Вопрос о переводе Библии на русский язык вновь встал в 1840-х годах, когда возникло так называемое “дело Павского”, но Николай I, приняв во внимание мнение обер-прокурора Св. Синода Протасова, что “в изъяснение Священного Писания вкрадывалось лютеранское начало... и родились вопросы, кои оскорбили бы слух благочестивых предков наших, о подлинности, достоверности, богодухновенности книг Священного Писания”⁵⁶, повелел все оставить без изменения, и лишь при Александре II Синод посчитал необходимым сделать полный русский перевод Священного Писания.

В ходе разбирательства по “делу Павского” во всей мере проявился независимый характер епископа Варлаама, возведенного в этот сан в январе 1844 года под названием епископа Чигиринского, викария Киевской митрополии. Не побоявшись противопоставить свое особое мнение заключению комитета, в том числе и трем митрополитам, он выступил обвинителем протоиерея Павского, показав себя при этом и ревностным защитником православной веры от возможных посягательств на ее чистоту, и весьма эрудированным в богословских вопросах человеком. И, надо заметить, мнение его было учтено Святейшим Синодом при вынесении приговора Павскому, литографированные лекции которого разделили судьбу перевода Пятикнижия Моисеева – были сожжены в количестве 704 экземпляров.

Но, по-видимому, не только участие архимандрита Варлаама в работе комитета, занимавшегося “делом Павского”, сыграло свою роль в скором его возведении в епископский сан, а и другое поручение, показавшее его незаурядные способности в разрешении сложных и запутанных ситуаций, умение вникнуть в суть дела и добиться нужных результатов.

Это ревизия Нижегородской духовной семинарии, в управлении которой из-за плохого руководства оказались большие беспорядки. Кроме того, семинария состояла на плохом счету и у гражданского начальства, видевшего в ее воспитанниках виновников бушевавших в городе пожаров. Обвинение было очень серьезное, и от объективности архимандрита Варлаама зависело очень многое. Тщательно рассмотрев все имеющиеся факты, он вынес оправдательный вердикт воспитанникам семинарии и тем самым снял лежащее на семинарии грязное пятно. Назначенный на время расследования временно исполняющим должность ректора семинарии, он дал ряд указаний, направленных на устранение беспорядков в семинарской жизни. Особое внимание при этом он уделил изучению сведений о воспитанниках семинарии и училищ, избавив их от учеников, «составляющих тягость для училищных начальств и самых заведений». Поэтому не случайно грозный ревизор внушал ученикам ужас, чему в немалой степени способствовал и его внешний вид: «Высокий, черноволосый, ходит по классу, грозно опираясь на камышовую трость; длинная палка гнется, но не ломится. Если Варлаам захочет спросить ученика, то ею ткнет в парту против избранника, и тот дрожащим голосом начинает говорить урок»⁵⁷.

Но страх всегда рисует более тягостную картину, чем она есть на самом деле, и часто принципиальность, проявляемая ради улучшения дела, видится лишь с одной стороны – как суровость. Уволив из Нижегородской семинарии и училищ множество нерадивых и замеченных в аморальных поступках учеников, архимандрит Варлаам в то же время был снисходительным к тем из них, кто внушал надежду на исправление. В этом как раз и проявилось его умение проникать в тайники чужой души. Но эта его способность касалась лишь людей обычных. Те же, кто был отмечен каким-либо даром Божиим, выпадали из общего ряда и были порой неподвластны его разумению. Именно это случилось с ним при разбирательстве «духовного увлечения» инспектора Нижегородской семинарии иеромонаха Димитрия, которое заключалось в его преклонении перед учением монахини Зеленогорской обители Ирины Лазаревой.

Собственно говоря, никакого особого учения у нее и не было, а была лишь жизнь праведницы, наполненная трудом и подвигами, совершаемыми Христа ради, и было облечение в словесную форму тех взглядов, которыми руководствовалась старица в своей богоугодной жизни. Причем взгляды эти, как и у святых отцов, не являлись продуктом лишь человеческого разума, а были, как видно, результатом изливаемой на нее свыше благодати, то есть проявлением Духа Святого, в стяжании Которого и видела смысл своего существования блаженная старица Ирина.

Конечно для такого охранителя столпов Православия, как архимандрит Варлаам, даже одно сравнение какой-то местной жительницы со святыми отцами было уже кощунственным. Поэтому первое, что могло прийти ему в голову, – а не впала ли в духовную прелесть эта 60-летняя женщина, возмнившая о себе Бог весть что, а за ней следом и поклонник ее учения иеромонах Димитрий? Мало ли на Руси верующих людей, которые рано или поздно “обнаруживают” вдруг у себя какой-либо “дар Божий”, заставляющий их увериться в своей богоизбранности. Да и что тут говорить, если и великий молитвенник Русской земли Серафим Саровский, широко чтимый в народе еще при своей жизни, был официально прославлен лишь в 1903 году.

Но кто же все-таки была эта Ирина Лазарева? И есть ли основания считать ее какой-то необыкновенной? Имя ее из книг сейчас достаточно известно как “духовной дщери” преподобного Серафима Саровского, который в 1809 году благословил ее после шестилетнего пребывания в Серафимо-Дивеевской обители отправиться в Зеленогорскую общину с тем, чтобы способствовать своими молитвами возрождению пришедшей в запустение обители. Там она прожила до глубокой старости, ведя уединенный образ жизни, полностью посвятив себя молитвенному подвигу. Скончалась блаженная Ирина в 1899 году в возрасте более ста лет, стяжав глубокое уважение насельниц, многие из которых вначале относились к ней с большим предубеждением. Память подвижницы отмечается 18 сентября.⁵⁸

Успешное проведение ревизии Нижегородской семинарии побудило Святейший Синод использовать архимандрита Варлаама для тех же целей и после возведения его в сан епископа: следом за нижегородской следует ревизия Кишиневской духовной семинарии, а в октябре 1844 года, как мы уже знаем, – Пензенской духовной консистории. А 30 июня 1845 года Варлаам становится епископом Архангельским и Холмогорским.

Архангельская епархия, раскинувшаяся на огромной территории, представляла немалую сложность в управлении. Разбросанные на значительном удалении друг от друга малонаселенные места проживания разноязычного населения – русских, лопарей, самоедов, карелов, зырян включали в себя не только православное население, но и множество раскольников и язычников, что создавало дополнительные трудности в религиозном просвещении Северного края. Церквей, относительно числа населенных пунктов, было недостаточно, но строить их в малочисленных деревушках, включающих порой всего лишь несколько семей, было нецелесообразным. Имеющиеся храмы были труднодоступны многим жителям,

проживающим от них на расстоянии 100–500 верст. Священнослужителям также невозможно было совершать требоисполнения во всех этих мелких поселениях. Кроме того, священников просто не хватало. Последнее обстоятельство вынудило Преосвященного Варлаама, наряду с открытием второго училища, обратиться в Синод с просьбой пополнить его духовенство выпускниками семинарий из других епархий. Естественно, что ехать в “добровольную ссылку” за тысячи и тысячи верст многие не захотели, и к ним пришлось применять жесткие меры.

Вот такое “богатство” получил епископ Варлаам на новом месте. Со свойственной ему энергией и неутомимостью начал Преосвященный знакомиться со своей епархией, совершая одну поездку за другой по маршрутам в несколько тысяч верст, на оленях и собаках, тратя на каждую поездку по несколько месяцев. Эти поездки показали ему все убожество материального положения духовенства и их образовательного уровня. Архипастырь систематически посылает в Синод отчеты о своем обозрении епархии и конкретные предложения по устранению существующих недостатков, остающиеся большей частью неудовлетворенными.

Пробыл епископ Варлаам в Архангельской епархии без малого 10 лет, и неизвестно, сколько бы ему еще пришлось там обретаться, неся на себе непосильный груз неумножающихся забот, если бы не его конфликт с архангельским военным губернатором вице-адмиралом Р. П. Бойлем, суть которого заключается в следующем. Во время русско-турецкой войны 1853–1856 годов в Белом море курсировало немало вражеских кораблей, в том числе и английских, время от времени нападавших на острова и грабящих расположенные там монастыри и церкви. Обеспокоенный сохранностью церковного имущества, Преосвященный просил у военного губернатора помощи в вывозе его, а также и защиты монастырей и храмов от возможных набегов на них неприятеля. То что вице-адмирал Бойль, англичанин по национальности и принадлежавший к англиканской церкви, не выказал должного, по мнению епископа Варлаама, отношения к его просьбам, не удивительно. Как не удивительно и то, что отношения их после этого стали накаляться, чему в немалой степени способствовала и усилившаяся подозрительность архиерея к губернатору-англичанину. В конце концов губернаторская чаша терпения переполнилась, и он обрисовал военному министру сложившуюся ситуацию в выгодном для себя свете, подчеркнув, что архиерей своими проповедями оказывает вредное влияние на жителей и внушает им недоверие к гражданскому начальству. Разговоры, которые могли посеять смятение в умах населения, во времена правления Николая I всегда карались строго.

Поэтому, по воле императора, в Архангельск был послан один из присутствующих в Синоде членов для расследования всех обстоятельств данного дела. Результаты проверки были сделаны не в пользу Преосвященного, но его личный доклад Николаю I позволил избежать наказания. Более того, перевод 4 декабря 1854 года епископа Варлаама в гораздо более спокойную Пензенскую епархию мог быть расценен и как данную архиерею возможность передохнуть от слишком обременительных дел и от сурового северного климата, а также от не лучшим образом складывающихся взаимоотношений с гражданским начальством.

На новом месте епископ Варлаам пробыл без малого восемь лет. Прежде чем перейти к обозрению состояния нашей епархии за время его управления, приведем вначале характеристику Преосвященного, данную ему протоиереем Певницким: “Епископом в Пензе в мое время был Варлаам, недавно переведенный сюда из Архангельска... Епископ Варлаам был нрава крутого, но прямого и честного. Вел он жизнь простую; без всяких сибиритских прихотей, и доступен был для духовенства и других во всякое время. В обращении был грубоват и аляповат, но это и шло к его простой, не дипломатичной, а искренней натуре. Роста он был большущего, и сложение телесное имел крепкое, как дубняк. С удовольствием и пользою ел сухой картофель и капусту кислую и любил гречневую кашу с медом. Обладал он крепким здравым смыслом русского старинного человека и вел себя и обращался со всеми по этому своему смыслу, без всякого стеснения себя какими-либо тонкостями дипломатическими: вежливостью, ловкостью и любезностью, при которых обыкновенно мягко стелют, а жестко спят. Духовенство им было довольно, потому что он не обременял его ничем, и следил за консисторией, насколько мог... Но крепостные помещики тогдашние его недолюбливали. Он их никогда не ублажал и от их капризов и стеснений всегда защищал духовенство... С аристократией он не сблизился, так как нечего было ему от нее выгадывать, да она от него не могла чем пользоваться в своих прихотях. Он любил сидеть дома за постоянными занятиями, которых было очень много по управлению одному, а во всякое дело он считал своей обязанностью входить самому непосредственно. Не чужд был он и чисто ученых занятий... С духовенством и корпорациею семинарскою и со всеми учеными он любил сблизиться. В все высокаторжественные праздники и царские дни все духовные и учителя непременно и обязательно к нему являлись *in cogroge* для поздравления”⁵⁹.

Как и во всякой характеристике, здесь присутствует определенная доля субъективности. Во-первых, нельзя согласиться с тем, что Преосвя-

щенный ничем не обременял духовенство епархии. Напротив, он настоятельно требовал от священно- и церковнослужителей постоянного повышения своего образовательного уровня и духовно-нравственного состояния. И во-вторых, он, пожалуй, как никто другой до него, не любил сидеть на одном месте, а непрестанно совершал обзоры подведомственной ему епархии, вникая в состояние всех ее приходов и делая все возможное для улучшения епархиального управления.

Первое, с чем пришлось познакомиться епископу Варлааму по приезду в Пензу, это с составом духовной консистории – своими ближайшими помощниками в управлении епархией. Как мы помним, его ревизия консистории в 1844 году привела к увольнению всех ее служащих. Но одно дело – признать плохой работу консистории незнакомой ему епархии, и совсем другое – управлять этой самой епархией, опираясь на членов консистории.

Согласно уставу 1841 года на духовную консисторию возлагались административные и судебные функции, которые она осуществляла под руководством епархиального архиерея. Состояла консистория из присутствия, члены которого заведовали своим кругом вопросов, и канцелярии, секретарь которой назначался Святейшим Синодом и, таким образом, как бы выпадал из непосредственной сферы влияния архиерея, хотя формально ему и подчинялся. Такое обособленное положение секретаря консистории, как мы уже знаем на примере епископа Амвросия (Морева), в случае конфликтов между ним и епархиальным архиереем могло доставить последнему массу неприятностей. В административном плане на консистории, согласно уставу, лежали следующие обязанности: 1) назначение на церковные должности; 2) подготовка отчетов и характеристик кандидатов; 3) надзор за ведением церковных книг; 4) управление архиерейским домом и его имуществом, монастырями и храмами. Судебные функции ее предусматривали рассмотрение проступков духовенства как по служебной линии, так и против благонравия и церковного благочиния. Юрисдикция консистории касалась также и мирян, неблагочестивый образ жизни которых и их поступки, не подлежащие гражданскому суду, могли привести нарушителей к заключению их в монастырь на определенное время для исправления. Решения консистории принимались на совместных заседаниях всех членов присутствия, но окончательное решение оставалось за архиереем.

Чтобы представить себе весь тот огромный объем работы, который приходилось проделывать членам консистории во главе с ее секретарем Василием Утехиным, скажем, что только в течение 1862 года констато-

рией было решено 882 дела, записано входящих бумаг – 9646, написано протоколов – 429, журнальных статей – 1939, исходящих бумаг – 12530 и составлено 823 справки по резолюциям Преосвященного, не считая прочих докладов. От такого количества дел и происходила обычная для подобных учреждений волокита: число всевозможных бумаг, необходимых к исполнению, нарастало как снежный ком и грозило парализовать весь ход дел по управлению епархией. Аппарат консистории, не успевая за всеведущим и всевидящим архиереем, постоянно подвергался с его стороны требованиям ускорить продвижение дел. Поэтому для архиерея особенно важно было, чтобы членами присутствия оказались люди, достаточно компетентные в тех вопросах, решение которых было на них возложено. И не случайно, как видно, он вскоре после своего приезда в Пензу вновь ввел в число присутствующих членов консистории кафедрального протоиерея Феодора Островидова, отстраненного от этой должности десять лет назад по результатам проведенной епископом Варлаамом ревизии.

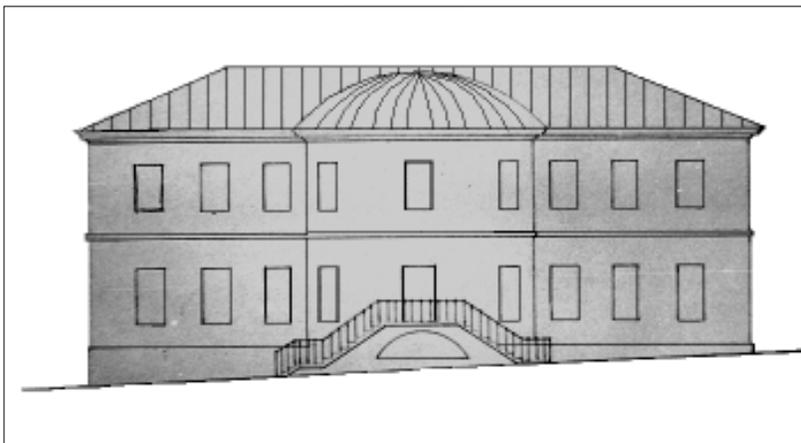
Присутствие Пензенской консистории состояло из семи членов. Кроме Островидова, в 1856 году туда входили ректор семинарии архимандрит Евпсихий, ключарь кафедрального собора протоиерей Феодор Пантелеевский, протоиереи: Николаевской церкви – Андрей Овсов, Троицкой – Иоанн Пачелмовский, Духосошественской – Иоанн Студенский и Покровской – Михаил Мидов. Впоследствии состав присутствия консистории претерпел некоторые изменения: на место Овсова и Пачелмовского были определены протоиерей Александро-Невской церкви Дворянского института Василий Бережковский и протоиерей Воскресенской церкви Авраамий Смирнов, а за увольнением от должности ректора семинарии Евпсихия его место в 1862 году занял вновь назначенный ректор архимандрит Иоасаф.

Делопроизводство в консистории вместе с регистратурой распределялось в зависимости от вида дел по шести столам, которые возглавлялись столоначальниками и курировались членами присутствия консистории. В ведении протоиереев Мидова и Смирнова находились дела распорядительные, Островидова и Бережковского – хозяйственные, Пантелеевского – следственные и судные, Бережковского – секретные. Кроме этих четырех столов был еще стол, где сосредоточивались дела, подлежащие срочному исполнению: выдача в церкви метрических, исповедных и обыскных книг, дела ставленнические, дела об определении, перемещении и увольнении в отпуск лиц духовного звания. Им заведовал помощник секретаря консистории. Именно здесь-то и скапливалось большее число

бумаг, задержка которых серьезно влияла на текущий ход епархиальной жизни. К счастью, столоначальник вскоре выбыл в другое ведомство, и дела его поуездно были распределены по всем четырем столам: в первом столе стали производиться срочные дела по Пензенскому и Саранскому уездам, во втором – по Мокшанскому и Городищенскому, в третьем – по Краснослободскому, Наровчатскому, Инсарскому и, наконец, в четвертом – по Нижнеомовскому, Керенскому и Чембарскому уездам. Такое распределение обязанностей, лежащих раньше на одном столоначальнике, значительно ускорило ход дел, не терпящих отлагательства. Стол регистратуры опекал протоиерей И. Студенский.

В 1856 году Пензенская духовная консистория справила новоселье: в ходе капитальной перестройки, обошедшейся в 10 тысяч рублей, здание ее было значительно расширено, а со следующего года началась разборка архива, который после случившегося в консистории в 1812 году пожара был весь перепутан. И хотя приведение архива в порядок началось еще в 1835 году, но отсутствие подходящего для него помещения приостановило эту работу. Теперь же появилась реальная возможность систематизировать архивные дела, для чего была создана специальная комиссия из 18 духовных лиц. В последний год пребывания Преосвященного Варлаама в Пензе в нее включили еще 8 человек, а для приема уже разобранных дел в помощь архивариусу учредили специальную комиссию в составе членов консистории протоиереев Ф. Островидова, Ф. Пантелеевского, секретаря консистории В. Утехина и исправляющего должность столоначальника П. Быстрова, которые в свободное от основной по консистории работы время сдавали архивариусу разобранные и укомплектованные дела. За год были оприходованы метрические книги с 1758 по 1861 год включительно, 44395 распорядительных дел, 4499 хозяйственных, 8954 судебных – с 1758 по 1859 год, протоколы консистории – с 1817 по 1861 год, журналы консистории – с 1802 по 1861 год, докладные реестры – с 1813 по 1861 год, входящие реестры – с 1814 по 1858 год, исходящие реестры – с 1808 по 1858 год включительно.

Материальное вознаграждение за такую гигантскую, иначе не назовешь, работу было просто мизерным, на что постоянно обращал внимание Святейшего Синода Преосвященный Варлаам, прося прибавки к их окладам. Столоначальники получали всего только по семь рублей в месяц, старшие канцелярские чиновники – от трех с половиной до четырех с половиной рублей, младшие – от полутора до двух с половиной. На такое жалованье и одному-то невозможно было прожить, а тем более с семьей. Поэтому канцелярские служащие в консистории долго не задер-

Здание духовной консистории до перестройки. Вид с севера.

Вид на духовную консисторию с северо-востока после перестройки

живались и переходили на гражданскую службу. Не удивительно, что притчей во языцех стало консисторское мздоимство, с которым епископ Варлаам вел беспощадную борьбу. Так, узнав, что его племянник выдал какому-то нетерпеливому просителю ранее определенного срока нужную бумагу, получив за это в виде благодарности 40 копеек, Преосвященный безжалостно отпорол его розгой. Но особенно подействовало на служащих консистории увольнение за взяточничество бывшего секретаря консистории, занимавшего эту должность до В. Утехина, после чего подобные злоупотребления в консистории совершенно прекратились.

Окружными епархиальными органами управления и суда были подведомственные консистории духовные правления – Нижнеломовское, Инсарское и Краснослободское, присутствия которых состояли из трех человек. В 1862 году в присутствии Нижнеломовского правления входили протоиерей нижнеломовского собора Иоанн Покровский, священник Казанской церкви Максим Снегурев и священник Успенской церкви Петр Архангельский, определенный в 1862 году на место священника Воскресенской церкви Феодора Соколова. Членами присутствия Краснослободского правления были соборный протоиерей Иоанн Лентовский, священник Смоленской церкви Иоанн Толузаков и соборный священник Иоанн Перов, а Инсарского – соборный протоиерей Андрей Архангельский, священник Христорождественской церкви Иоанн Успенский и священник с. Верхней Вязеры Алексей Тихомиров.

Делопроизводство духовных правлений ограничивалось рассмотрением следственных и судебных дел, отсылаемых туда консисторией для составления по ним членами правления записок и мнений. Самое ограниченное делопроизводство было в Инсарском духовном правлении, поскольку в его ведомстве находился один лишь Инсарский уезд, в котором имелось всего 83 церкви. Состав духовных правлений не был постоянным, а менялся в зависимости от работы их членов, проверку деловых качеств которых Преосвященный лично осуществлял во время обозрения епархии. Так, результаты посещения архиереем Нижнеломовского духовного правления привели к необходимости заменить двух его членов и самого столоначальника на более усердных, в связи с чем во время проверки этого правления в 1862 году выявился полный порядок в делопроизводстве по сравнению с тем, что был прежде.

Вся Пензенская епархия на момент прибытия в нее епископа Варлаама делилась на 49 благочиннических округов (благочиний), состоящих из 10–15 приходов, которые возглавлялись благочинными. Кандидатов на эту должность по установленному порядку подбирала консистория,

представляя архиерею на них характеристики, которые и служили основанием для последующего утверждения кандидатов самим Преосвященным. Благодичным вменялось в обязанность осуществлять надзор за духовенством и состоянием церквей и дважды в год доносить об этом архиерею по определенной форме, включающей в себя следующие пункты: а) степень познания священнослужителями догматов веры и учения Церкви, их поведение, соответствие своим должностям, усердие или же, наоборот, нерадение к церкви и своим обязанностям; б) состояние церквей; в) состояние церковного имущества и церковного письмоводства; г) пожертвования в пользу церквей. Донесения эти после рассмотрения их архиереем передавались с его резолюциями в консисторию для исполнения. К концу управления епархией Преосвященного Варлаама число благодичных увеличилось до 54-х.

В епархии существовало попечительство о бедных духовного звания, в которое входили член консистории кафедральный протоиерей Феодор Островидов, протоиерей приходской Воскресенской церкви Авраамий Смирнов и священник кафедрального собора Косьма Романов. Затем состав его изменился, и в попечительство стали входить четыре члена: священник Введенской церкви Андрей Рамзайцев, священник Никольской церкви Александр Терновский, протоиерей Александро-Невской церкви Василий Бережковский и ставший кафедральным протоиереем Косьма Романов, определенный в казначеи попечительства в 1863 году уже Преосвященным Антонием 1-м. В 1862 году попечительство оказало денежную помощь 306 бедным семействам на сумму 1620 рублей, училищу девиц духовного звания – 652 руб. 26 коп., прибавку к жалованью канцелярским служащим – 113 руб. 22 коп., пособий при замужестве девиц сирот – 81 руб. Капитал попечительства за восемь лет вырос с 14 до 23 тысяч рублей.

В Пензенской епархии на момент вступления в ее управление епископа Варлаама находилось пять мужских монастырей: Нижнеомовский Казанский второклассный, два третьеклассных – Пензенский Спасо-ображенский и Саранский Петропавловский и два заштатных – Наровчатский Троицкий Сканов и Краснослободский Спасо-ображенский, а также Вьясская Владимирская пустынь, которая до 1851 года была в экономической зависимости от Саранского Петропавловского монастыря, после чего сохранила подчинение монастырю лишь в духовном отношении, полную же самостоятельность Вьясская обитель получила в 1860 году. То есть к моменту отъезда Преосвященного из Пензы мужских монастырей стало шесть.

В 1862 году ректор Пензенской духовной семинарии архимандрит Евпсихий по прошению был уволен от занимаемой должности и поселился в Нижнеломовском Казанском монастыре, настоятелем которого он являлся. Его переезд значительно возвысил религиозно-нравственное состояние братии монастыря. То же самое можно сказать и про Пензенский Спасо-Преображенский мужской монастырь, который перешел в управление нового ректора семинарии архимандрита Иоасафа. Все мужские монастыри Пензенской епархии находились в довольно хорошем экономическом состоянии, однако Нижнеломовский монастырь среди них особенно выделялся, что обеспечивалось большими доходами от стекавшихся в него богомольцев к чудотворным иконам Казанской Божией Матери и Иоанна Предтечи, в особенности во время Нижнеломовской ярмарки – ко дню Казанской иконы Божией Матери, празднуемому 8 июля. Крепкое финансовое положение монастыря позволяло уделять много внимания его благоустройству. Пензенский Спасо-Преображенский монастырь также имел в своем распоряжении значительные суммы, поступающие от мельницы на р. Иванырсе, с угодий, вкладов благотворителей и от мест за могилы лиц, погребенных в монастырской ограде, где располагалось самое престижное городское кладбище. На счету монастыря в различных кредитных учреждениях находилось более 20 тыс. рублей серебром, так что даже одни только проценты обеспечивали ему безбедное существование. В 1862 году в Пензенском Спасо-Преображенском монастыре состоялось освящение двух последних престолов Троицкого (Вифлеемо-Воскресенского) храма, построенного статской советницей Марией Михайловной Киселевой над могилой ее мужа. Этот пятиглавый двухэтажный храм, с пятью престоломи, один из которых – Рождества Христова, – освященный в 1855 году, располагался в нижней церкви, устроенной по образцу Палестинского Вифлеемского храма, стал замечательным украшением всего монастырского ансамбля. Заштатные Наровчатский Троицкий Сканов и Краснослободский Спасо-Преображенский мужские монастыри имели в своем владении много полевых угодий, являвшихся главным источником их содержания. Вьясская Владимирская пустынь усилиями строителя иеромонаха Киприана и доброхотодателей, приносящих к чудотворной иконе Владимирской Божией Матери свои приношения, значительно благоустроилась. В 1853 году в ней начал строиться каменный храм во имя Владимирской иконы Божией Матери, законченный и освященный Преосвященным Варлаамом незадолго до его перевода в другую епархию. Саранский Петропавловский мужской монастырь, пострадавший в 1852 году от пожара, усилиями его

Нижнеломовский Казанский мужской монастырь

Пензенский Спасо-Преображенский мужской монастырь.
Слева – Троицкий (Вифлеемо-Воскресенский храм).

настоятеля архимандрита Аркадия и благотворителей через несколько лет вновь был отстроен.

Женских монастырей в начальный период управления епархией епископом Варлаамом было всего два – Троицкий третьеклассный в Пензе и Тихвинский заштатный в Керенске. При кладбищенских церквях в Нижнем Ломове и Краснослободске существовали, кроме того, две женские общины – во имя Успения Божией Матери. В первой из них к 1862 году проживало 135 сестер. В 1860 году к этим двум общинам прибавилась еще одна – Серафимовская при с. Куриловке Саранского уезда. 18 ноября 1861 года по Высочайшему повелению разрешено было учредить женскую Казанскую общину при г. Мокшане, которая фактически существовала уже с 1857 года по инициативе мокшанской купчихи М. А. Барсуковой и насчитывала 45 сестер. В 1862 году в пользу официально утвержденной Казанской общины отошли земли, пожертвованные ей основательницей общины, в количестве 20 десятин, и статской советницей М. М. Киселевой – 30 десятин, чем было положено экономическое основание для существования обители. В том же 1861 году была возведена в монастырь и Краснослободская Успенская община, а ее настоятельница монахиня Олимпиада получила сан игумении. В Пензенском монастыре еще епископом Амвросием (Моревым) делались попытки завести общежитие, но лишь в 1862 году был построен огромный каменный корпус для совместной трапезы монастырской общины. При двух женских монастырях – Пензенском и Керенском – имелись больницы, где в 1862 году в каждой из них на излечении пребывало около 20 болящих. Кроме больниц при монастырях, в епархии имелось и несколько богаделен при церквях, в которых призревались вдовы и сироты. Одна из них – при Пензенской Казанской церкви – находилась на содержании духовного попечительства о бедных духовного звания, в ней содержалось всего несколько человек. Но зато возникшая еще в 1834 году богадельня при с. Ковыляй Краснослободского уезда, в которой в 1856 году проживало лишь 9 лиц женского пола, при епископе Варлааме получила быстрое развитие и уже через семь лет насчитывала 82 человека, которые вели в ней жизнь на монастырских правилах. В 1862 году при ней были заложены два новых храма, и вскоре после отъезда Преосвященного Варлаама из Пензенской епархии богадельня преобразовалась в общину, с тем, чтобы еще через 10 лет после этого превратиться в Ковыляйский Троицкий женский монастырь.

В первый год пребывания епископа Варлаама на Пензенской кафедре в епархии насчитывалось 699 церквей, за год до его отъезда – 774, так

Архиерейский дом

Крестовая Воскресенская церковь архиерейского дома

что в среднем ежегодно строилось около 10 новых храмов. Их появление было обусловлено в первую очередь желанием на то жителей деревень, удаленных от приходской церкви. Немало уделялось внимания и ремонту имеющихся церквей. Так, например, в 1862 году было отремонтировано 47 храмов. Большим событием явился перенос крестовой церкви с третьего этажа архиерейского дома, где она до того располагалась, в сделанную к дому с южной стороны двухэтажную пристройку. Освящение новой крестовой Воскресенской церкви состоялось 23 ноября 1857 года. С этих пор у жителей города появилась дополнительная возможность присутствовать на архиерейских богослужениях. С северной стороны архиерейского дома также была сделана двухэтажная пристройка, соединившая его с духовной консисторией в единый комплекс. Так что, по словам самого Преосвященного, архиерейский дом был приведен “в такое цветущее состояние, в каком он никогда не стоял”. Стараниями Владыки значительно благоукрасился и нижний этаж кафедрального собора, имевший до того весьма мрачный вид.

Что примечательно, большую часть храмов архиерей посетил лично, во время своих ежегодных обозрений епархии. Так, например, в 1856 году он осмотрел 231 церковь, именно: в Нижнеломовском – 66, Керенском – 47, Чембарском – 51, Пензенском – 46, Мокшанском – 21. Из них – 36 городских (14 монастырских, 19 приходских, 2 кладбищенских, 1 приписная) и 195 сельских (181 приходская, 9 придельных, 4 кладбищенских, 1 домовая). А всего 113 каменных и 118 деревянных храмов. В 1862 году Преосвященным были обозрены в Мокшанском, Нижнеломовском и Керенском уездах 179 церквей, в 18 из которых он совершил Божественные литургии, сказал 38 проповедей к пастве, проэкзаменовал почти все причты и просмотрел массу церковных документов на предмет правильного их ведения.

Как показали эти обозрения, состояние у большей части церквей было весьма приличное, утвари и ризницы было в достатке, приходно-расходные книги и другие акты содержались в порядке. И это несмотря на то, что приезд архиерея в тот или иной приход часто был полной неожиданностью для настоятелей. По-видимому, первые годы его управления епархией приучили священнослужителей ожидать грозного Владыку к себе в любую минуту, готового не только тщательно проверить внутреннее и внешнее состояние храмов, но и подвергнуть серьезному испытанию самих священнослужителей.

К моменту вступления Преосвященного Варлаама в управление епархией образовательный ценз духовенства в ней был достаточно высоким,

что явилось результатом почти 20-летних целенаправленных усилий епископа Амвросия (Морева) по комплектованию штатов духовенства учеными священнослужителями. Так, из 671 протоиерея и священника Пензенской епархии 563 окончили курс духовной семинарии, то есть имели среднее богословское образование, еще 17 были с неполным средним образованием, окончив философский класс семинарии, а 91 имел низшее образование, или, другими словами, были неучеными. Все это позволило епископу Варлааму вскоре по приезду в Пензу сказать, что “духовенство в епархии, можно сказать, стоит на значительной степени образования, а потому имеет влияние на прихожан чрез распространение в них достаточных понятий о вере и нравственности, чрез водворение между ними и словом и примером мира, трудолюбия, трезвости, честности, богобоязливости и доверенности к начальству”. Однако, как это часто бывает, на деле все оказалось не таким уж радужным. Окончив семинарию и получив приход, священник, обремененный служебными и хозяйственными делами, забывал, как правило, о необходимости постоянного пополнения своих знаний; с течением времени мало что оставалось и от того научного багажа, который он приобрел в семинарии; мысль, потерявшая пищу для своего развития, все более и более притуплялась. И через несколько лет оказывалось, что когда-то даровитый выпускник семинарии превратился в заурядного попа, более озабоченного прокормлением своего семейства, чем духовным окормлением вверенной ему паствы.

Именно такую метаморфозу со многими недавними, а тем более давними, семинаристами и пришлось наблюдать вновь прибывшему архиерею, который со свойственной ему энергией взялся исправлять этот недостаток пензенского духовенства. И решил он ни много, ни мало – как подвергнуть экзаменам весь клир Пензенской епархии. Надо заметить, что и его предшественник – епископ Амвросий не чуждался экзаменовывать священнослужителей, но это, главным образом, относилось к молодежи – как дополнительная их проверка при распределении между ними приходов. Сейчас же экзаменовались все поголовно – протоиереи, священники, диаконы, дьячки, пономари и даже церковные сторожа, а бывало – и члены семейств, включая малолетних детей. Экзаменами причтов завершались все архиерейские обозрения приходов. Оценка чаще всего была одна, которая выражалась словом “дурак”. Результаты экзаменов заносились в путевой журнал Владыки, и, таким образом, постепенно складывалась истинная картина состояния образования духовенства. Попавшие в “черный список” с этих пор находились под неусыпным наблюдением Преосвященного, и им ничего другого не оставалось, как за-

сесть за книги, чтобы освежить свою память. Нерадивые же принуждались к учебе налагаемыми на них штрафами.

В стремлении повысить образованность подведомственного ему духовенства Преосвященный Варлаам постоянно держал в поле своего зрения и духовные школы – семинарию и училища. Придет, бывало, в последний класс семинарии и задаст сочинение, потом – еще раз, и еще. И, глядишь, решающим при подведении итогов выпускных экзаменов становится не решение семинарского правления, а эти самые сочинения, или, как их называли, – экспромты. Остается только удивляться, откуда у Владыки бралось время на прочтение нескольких сот ученическихopusов. Но зато будущие священнослужители уже со школьной скамьи могли предвкусывать последствия всех своих упущений во время учебы, что несомненно способствовало более прилежному их отношению к учебе, хотя, конечно, и не прибавляло у них любви к своему архипастырю, а, наоборот, порождало в них страх, дававший совершенно неверную оценку этой незаурядной личности. И только “истинные делатели на ниве Христовой” могли по достоинству оценить тот вклад, который сделал Преосвященный Варлаам для поднятия образовательного уровня духовенства в епархии.

Однако при всей своей строгости и принципиальности Владыка мог быть и чрезвычайно великодушным, что особенно ярко проявилось в случае с увольнением из семинарии лучшего ее ученика Василия Осиповича Ключевского. Напомним, что по существующим правилам окончившие семинарию должны были или принять духовное звание, прослужив в нем не менее четырех лет, либо продолжить свое образование в духовной академии. Но В. О. Ключевский решил поступать в Московский университет, в связи с чем в декабре 1860 года подал прошение об увольнении из семинарии. Естественно, что семинарское правление не захотело отпускать его из семинарии и духовного звания и отказалось удовлетворить его просьбу. Преосвященный Варлаам, не любивший подобных выходов неблагодарных семинаристов, также попытался воздействовать на Ключевского, пригрозив не только взыскать всю потраченную на него во время учебы сумму, но и отказать его сестре в женихе, а следовательно, и в приходе. Однако, видя настойчивое стремление Ключевского посвятить себя науке, архиерей в конце концов смягчился и разрешил ему покинуть семинарию, не удержав с него даже полагающихся денег.

Большая ревность управляющего епархией об уровне образования, получаемого воспитанниками духовных заведений, не могла не сказаться на успехах выпускников Пензенской семинарии при поступлении их в

высшие учебные заведения, куда за время пребывания Преосвященного Варлаама на Пензенской кафедре было зачислено 20 пензенских семинаристов: 14 человек – в духовную академию, пятеро – в университет и один – в медико-хирургическую академию.

В целях улучшения условий обучения в пензенских духовных учебных заведениях он также озаботился приобретением для трех духовных училищ новых, более обширных зданий, да и капитальный ремонт семинарии, пострадавшей от случившегося 29 июля 1858 года пожара, был начат также при епископе Варлааме, а закончен уже при его преемнике епископе Антонии, в результате чего объем здания увеличился вдвое. В 1857 году для Пензенского духовного училища был куплен дом статского советника П. И. Яшева на углу Дворянской и Поперечно-Покровской, куда на время ремонта своего здания перешла духовная семинария. В том же году было приобретено и здание для Нижнеломовского духовного училища, до того располагавшегося в наемном помещении. Училище девиц духовного звания, существовавшее в виде приюта при Пензенском Троицком женском монастыре еще при епископе Амвросии (Мореве), при его преемнике перешло в здание богадельни при Казанской церкви, специально для этой цели надстроенное вторым этажом. Для обустройства женского училища Преосвященный обложил духовенство епархии налогом, привлек к этому средства монастырей и духовного попечительства, а в 1860 году, после пятилетних хлопот, добился-таки от Святейшего Синода официального открытия этого училища. В 1861 году в нем обучалось 15 девочек в возрасте от 9 до 12 лет, которым преподавались: Закон Божий с объяснением текстов в пространном катехизисе, богослужения праздников и служб церкви; священная история; русская грамматика; русская история; география; арифметика; нотное пение по обиходу. Учителей в училище было четыре – три священника и один диакон. Курс учения был положен трехгодичный – по числу открытых классов. Кроме указанных наук девочки обучались рукоделию, которое им преподавала послушница монастыря дочь священника того монастыря девица Скворцова. Попечительницей училища в 1862 году была утверждена дворянка Александра Петровна Евсюкова. Содержание училища в год обходилось до 700 рублей серебром.

Кроме Троицкого женского монастыря, училища начального обучения (а лучше сказать – школы) существовали также в Нижнеломовском Казанском и Пензенском Спасо-Преображенском мужских монастырях – в качестве причетнических школ, которые комплектовались из числа исключенных из общих училищ детей причетников или же сирот-

Духовная семинария после перестройки

Пензенское духовное училище

ствующего духовенства. Но школы эти были довольно малочисленны – в 1862 году в них училось всего 12 человек.

На 1855 год в Пензенской епархии имелось также 67 приходских школ, из них 46 в казенных селах, принадлежавших Ведомству государственных имуществ, и 21 в помещичьих. В них обучалось 1878 человек, в том числе 1748 мальчиков и 130 девочек. Учителями в этих школах были священнослужители, которые порой предоставляли под школы часть своего дома, снабжали учеников книгами и другими учебными пособиями. Особой ревностью о детском образовании отличались священник с. Скворечного Нижнеломовского уезда Иоанн Мичкасский и диакон того же села Сергей Чернозерский, священники с. Иссы Инсарского уезда Петр Элпидинский и Ямской Слободы того же уезда Петр Виноградов.

Резкое увеличение числа приходских школ произошло после указов Святейшего Синода 1856, 1858 и 1861 годов, то есть после смерти Николая I (19 февраля 1855 года), накануне и после отмены крепостного права. В 1862 году насчитывалось уже 326 школ, в которых обучалось 5895 человек обоего пола. В школах происходило сближение юных прихожан с церковностью, утверждение в них религиозно-нравственных основ, распространение начальных истин веры. Это достигалось обучением детей чтению по книгам не только гражданской, но и церковной печати, изучением молитв, краткого катехизиса и Священной Истории, участием детей в чтении и пении на клиросах.

Религиозно-нравственное состояние клира и паствы вызывало постоянную озабоченность архиерея. Прежде всего он обращал внимание на то, чтобы моральный облик служителей Церкви был достойным того высокого назначения, которое определялось налагаемым на них саном. И надо заметить, что нравственное состояние духовенства за время пребывания на Пензенской кафедре Преосвященного Варлаама значительно возросло. Советские историки, формируя негативное отношение к духовенству, часто использовали в этих целях документы духовных консисторий, составленные по случаям всевозможных проступков духовенства: пьянства, рукоприкладства, тяжбы и т. п. Но уже сам факт нахождения в архиве консистории этих дел говорит как раз об обратном: насколько серьезно епархиальное начальство относилось ко всем этим случаям, невольно бросавшим тень и на саму Церковь. Именно с целью искоренения этих явлений в среде духовенства, как несовместимых с их саном, и заводились дела о предосудительных поступках священнослужителей, появление которых, однако, было вполне объяснимым, поскольку вытекало из самой человеческой природы, поврежденной грехом.

За весь 1862 год в консистории было заведено 108 таких дел, по которым были признаны виновными и подвергнуты наказаниям 69 лиц, причем никто из них не лишился сана и только четыре священника и один диакон оказались низведенными в низшие должности, да два монастырских послушника были исключены из монастырской братии. Учитывая, что в епархии насчитывалось более трех тысяч штатных и нештатных священноцерковнослужителей, следует согласиться с мнением самого Преосвященного о достаточно высоком нравственном состоянии пензенского духовенства. Получалось, что в епархии за год примерно на 30–40 человек совершался всего один проступок, да еще такой, на который в других сословиях просто не обратили бы внимания – настолько естественным он был бы для той среды, где жизнь по Закону Божию была скорее неприятной обязанностью, чем внутренним побуждением. Причем, если в обычной мирской жизни достоянием общественности становились, как правило, действительные преступления, преследуемые по государственным законам, а нравственная сторона жителей оставалась скрытой от посторонних глаз, то жизнь духовенства была вся на виду и контролировалась как благочинными, в обязанность которых входил надзор за священнослужителями, так и прихожанами, всегда имевшими возможность пожаловаться на церковный причт самому Преосвященному во время его частых поездок по епархии. Случаев недовольства со стороны прихожан своими священнослужителями могло быть и еще меньше, если бы материальное положение духовенства позволяло выполнять им свои обязанности, не заботясь о содержании семьи. Главным источником дохода для священнослужителей являлась плата за совершение треб. Но два неурожайных года и непрерывные государственные повинности, которые несли жители по случаю бывшей войны, сильно сказались на их бюджете, что не могло не отразиться и на благосостоянии духовенства. Священнослужители, обремененные, как правило, большой семьей и необходимостью содержать находившихся вне штата родственников, испытывали недостаток средств, на почве чего и возникали нарушения ими нравственных норм: завышение платы за требы, споры по поводу раздела доходов внутри самого причта и пьянство – как характерная для русского человека реакция на невозможность обеспечить своей семье материальное благополучие.

Перевод сельского духовенства на казенное жалованье, начавшийся со второй половины 1856 года в трех уездах – Пензенском, Чембарском и Мокшанском, частично снимал эту проблему. Но, с другой стороны, введение нормальных штатов в сельских приходах привело к сокраще-

нию большего числа диаконских мест и образованию избытка находившегося в епархии духовенства, который еще более увеличивался с каждым очередным выпуском духовной семинарии. Лишь немногим из оказавшихся вне штата удавалось перейти из духовного в светское звание, остальные же в ожидании мест пребывали в домах своих родителей и родственников. Такое праздное времяпрепровождение не способствовало сохранению благонравия в их среде, и благочинным вменялось в обязанность пополугодно представлять епархиальному начальству ведомости с указанием занятий и поведения каждого такого лица.

Не вдаваясь в истинную картину религиозно-нравственного состояния жителей Пензенской губернии, поскольку она, как внутреннее состояние человека, открыта лишь одному Богу, рассмотрим хотя бы ее внешние показатели.

В 1856 году у исповеди и святого причастия было 712814 человек обоего пола. Из них у одной только исповеди – 20212 человек, которые посчитали себя недостойными приобщиться Святых Таин. Не совершали этих таинств Святой Церкви 255367 человек, в том числе: по нерадению – 33290; по малолетству – 208393; по отлучкам и другим препятствиям – 13684 лиц. По сравнению с 1855 годом число бывших у исповеди и святого причастия увеличилось на 9957 душ, а небывших – уменьшилось на 30818. В 1862 году из 800985 исповедавшихся не причастились Святых Таин 9287 человек, и, таким образом, число освятивших себя таинствами по сравнению с 1861 годом выросло на 6 тысяч. Не были на исповеди по малолетству – 210463, по разным уважительным причинам – 14809, по нерадению – 42392, по склонности к расколу – 9255 человек.

То есть, как мы видим, религиозно-нравственное состояние паствы из года в год улучшалось, чему в немалой степени способствовали поздки по епархии архиерея, который в своих проповедях обращал внимание прихожан на обязательное исполнение ими своих христианских обязанностей, необходимых для их спасения. Сознательное приобщение прихожан к православной вере во многом зависело от степени образования и просвещения духовенства, от их способностей в проповедании Слова Божия. Большую роль здесь играли катехизические беседы и поучения, в которых излагались начальные наставления в вере и жизни православного человека. В 1862 году в 118 церквях Пензенской епархии произносились катехизические поучения, чаще всего – во время литургии по заамвонной молитве. Эти поучения являлись результатом творчества катехизаторов, число и состав которых не был постоянным (в 1862 году их

насчитывалось 92), и составлялись под наблюдением местных цензоров и благочинных, а затем поступали на обозрение в специально учрежденный в Пензе комитет, состоящий из инспектора семинарии архимандрита Серафима, протоиерея кафедрального собора Островидова и приходских протоиереев Овсова, Пачелмовского, Студенского, Бережковского, Бурлуцкого, Смирнова, трое из которых имели академическое образование. После разделения поучений на разряды они с замечаниями комитета передавались на рассмотрение епархиальному архиерею и уже от него, с его собственными пометками, возвращались через консисторию сочинителям.⁶⁰

Главным показателем упадка религиозно-нравственного состояния прихожан считалось уклонение их из православия в раскол. Преосвященный Варлаам, усердно потрудившийся в свое время над искоренением раскола в Архангельской губернии, пытался всеми силами бороться с ним и в Пензенской епархии. Но к тому времени отношение государства к раскольникам изменилось. Если политика Николая I в этом вопросе была направлена на уничтожение раскола, то при Александре II наступила либерализация. В «Наставлениях для руководства при исполнительных действиях и совещаниях по делам, до раскола относящимся» 1858 года министром внутренних дел Ланским была запрещена практика преследования старообрядцев за их веру. Поэтому хотя в Пензенской епархии и знали всех раскольников поименно, так как были составлены списки с разделением всех их по степени отпадения от официальной Церкви на три разряда: закоренелых раскольников, уклонившихся в раскол и начавших уклоняться в него, однако без содействия правительства бороться с ними одними увещаниями становилось бесполезно.

3 апреля 1860 году Преосвященный Варлаам удостоился сана архиепископа – первого на Пензенской кафедре за 60 лет ее существования. А 27 сентября 1862 года⁶¹ неожиданно для него самого был переведен в Тобольск. Такое назначение чрезвычайно расстроило архиерея. Восемь лет, проведенных в Пензе, сроднили его с этим городом, налицо были успехи в управлении Пензенской епархией, так что награждение его саном архиепископа оказалось вполне заслуженным. И хотя энергии у 60-летнего Варлаама не поубавилось, но приближалась старость, которую хотелось провести на привычном месте, доживая свой век и радуясь плодам своего неустанного труда. Но как когда-то Преосвященного против его желания назначили в Пензенскую епархию, которую он не хотел принимать в управление, помня свою десятилетней давности в ней ревизию, так и сейчас все его попытки доказать Святейшему Синоду целесообраз-

ность и даже право его на дальнейшее пребывание в Пензе остались безуспешными. И чем более он перечислял Св. Синоду свои заслуги в управлении Пензенской епархией, тем, наверное, только лишний раз укреплял Синод в своем решении направить Преосвященного на Тобольскую кафедру, где его энергия и умение вникать во все мелочи могли послужить еще на благо Церкви. А может быть, все было гораздо проще, и здесь, как когда-то в Архангельске, главную роль в его перемещении сыграло гражданское начальство. По крайней мере, так думал сам Преосвященный, вспоминая свою стычку с пензенским губернатором графом Е. П. Толстым, которому архиепископ Варлаам высказал свое возмущение по поводу устройства дворянством полуночной пирушки на его архиерейском хуторе без его ведома.

5 ноября 1862 года духовенство Пензенской епархии навсегда распрощалось с Преосвященным Варлаамом. Какие чувства испытывало оно при этом? Сожаление? Радость? Вряд ли здесь можно доверять напечатанным в «Пензенских губернских ведомостях» воспоминаниям протоиерея Я. П. Бурлуцкого о проводах архиерея⁶², отличавшихся, по его словам, общей скорбью. И не потому даже, что они были связаны родственными узами. Просто беззаветно преданный Церкви Бурлуцкий видел в личности Владыки прежде всего святителя, и это заслоняло от него черты характера Преосвященного, не вызывающие симпатии окружающих.

Тобольская епархия, в которую архиепископ Варлаам прибыл 12 декабря 1863 года, напоминала собой Архангельскую. Суровый сибирский климат, удаленные друг от друга населенные пункты, татарское население создавали дополнительные трудности. Однако неутомимость Преосвященного в работе, крепкое здоровье, сохранившееся во многом благодаря воздержанию в еде и питье, позволили и здесь архиепископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму быстро наладить управление обширной епархией. Начал он, как и в Пензе, с духовной консистории, заменив ее секретаря таким же деятельным, как и он сам, сотрудником. Стиль его работы после Пензы несколько не изменился: все такое же требовательное отношение к подчиненным, огромная работоспособность, вникание во все дела, постоянные обозрения епархии, вплоть до самых удаленных мест, куда до него никто из архиереев никогда не добирался. И все это только – во славу Церкви, для укрепления Православия, беззаветным служителем которого всю свою жизнь был Преосвященный Варлаам.

Десять лет, отданные им на благо Тобольской епархии, лишний раз свидетельствуют, что промыслительная десница Божия всем указывает тот единственный путь, который более всего способствует нашему спасению.

И главное, не отворачиваться от него, а ввериться полностью и безоглядно, как бы ни хотелось пойти своей собственной дорогой. Наверняка не раз так подумал и архиепископ Варлаам, вспоминая и свое нежелание вначале ехать в Пензу, а потом покидать ее, – в намерении окончить в ней свой век в покое, о котором, как мы видим, ему еще рано было даже и помышлять. Десять лет еще после Пензы пришлось ему потрудиться на святительской ниве, возвращая тот урожай, который наиболее приятен Богу из всех трудов человеческих. И лишь в апреле 1872 года несущийся по жизни на всех парусах корабль неутомимого архиепископа Варлаама прибыл наконец в тихую гавань, которой стал Троицкий монастырь Курской епархии, откуда, по сути дела, 30 лет тому назад, и начался его путь, предопределивший его высокое служение Христовой Церкви. Скончался архипастырь 31 марта 1876 года и был похоронен в соборной церкви монастыря рядом с могилой святителя Иоасафа, ходатайство о прославлении которого было одним из последних обращений в Св. Синод архиепископа Варлаама, оказавшееся, как и многие его обращения, безуспешным. Только в 1911 году епископ Белгородский Иоасаф (Горленко) был причислен к лику святых. Этому способствовали многочисленные случаи исцелений у гроба епископа Иоасафа, лишний раз свидетельствующие о неслучайном избрании проводником Божественной воли того, кто, вступая на путь служения Всевышнему, был наречен именем “Господь есть судья” (что означает с еврейского имя Иоасаф). Не случайным оказалось и имя захороненного рядом с ним архиепископа Варлаама – “сын Божий” (с халдейского). Всю свою жизнь, как истинный сын Божий, он посвятил лишь одному – Церкви Христовой.⁶³

